

Шокирующая история Российской империи

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

**ОБОРОТНИ
В ЭПОЛЕТАХ**

ТЫСЯЧА ЛЕТ РОССИЙСКОЙ КОРРУПЦИИ

Александр Александрович Бушков
Оборотни в эполетах. Тысяча
лет Российской коррупции
Серия «Бушков. Шокирующая
история Российской империи»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64069422

Оборотни в эполетах. Тысяча лет российской коррупции: Эксмо;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-119283-9

Аннотация

Коррупция – штука въедливая, заразная и многолетняя. Истребить ее подчистую до сих пор не удалось ни одному правителю в мире. Россия, разумеется, в этом плане не сильно отличается от остальных. В самых древних исторических документах, произведениях искусства, живописи и литературы, дошедших до нас, можно при желании обнаружить признаки этой бессмертной заразы.

Воровали и мелкие чиновники, и помещики, и дворяне, и приближенные к царской семье вельможи. Увлекались казнокрадством генералы, военачальники и воспетые поэтами

герои. Придумывали мошеннические схемы губернаторы, крупные банкиры и промышленники...

За многими, весьма многими водился этот грешок.

Сегодня что-нибудь изменилось? Масштабы, суммы, социальное положение коррупционеров? Выводы делайте сами. А пока – погрузитесь в этот чарующий мир золотых эполетов, залитых светом дворцов, роскошных балов и прекрасных дам – там! там дрожали и потели в предвкушении халявных денег потные ручонки алчных издоимцев, жуликов и сиятельного воря...

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Александрович Бушков Оборотни в эполетах Тысяча лет российской коррупции

*** * ***

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Бушков А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава первая

Последние годы

«Подморозив» Россию по советам Победоносцева и других идеологов монархии, Александр III «подморозил» и коррупцию. Искоренить ее полностью было бы нереально, все это понимали, но сбить эту поганую волну императору удалось. Навсегда покинула Россию светлейшая княгиня Юрьевская. Александр назначил ей с детьми годовое содержание в 100 тысяч рублей, но недвусмысленно дал понять, что видеть в стране не желает. Она уехала в Ниццу, где и умерла в 1924 году в возрасте 74 лет...

Не церемонился он и с серьезно провинившимися членами Дома Романовых, в том числе с собственным братом, о чем подробнее в следующей главе. И то, что при Александре железные дороги были выкуплены в казну, а позже строились исключительно за государственный счет, коррупцию на них не уничтожило полностью, но получать прежние баснословные прибыли всевозможные аферисты напрочь лишились возможности. Да и княгини Юрьевской при дворе больше не было и искать подобные подходы к Александру III было бы бессмысленно. Человек волевой, решительный и упрямый, он не стал бы слушать кого бы то ни было, возжелавшего бы «порадеть родному человечку».

Жаль только, что процарствовал он до обидного мало – тринадцать лет. О странноватой смерти крепкого, как дуб, сорокадевятилетнего мужика до сих пор ходит немало противоречивых версий – но, не подкрепленные доказательствами, они, увы, носят чисто конспирологический характер. Ясно одно: миф о жутком алкоголизме императора, якобы и приведшем к смерти, – не более чем миф. «Свидетелей» мало, и они какие-то мутные... Подавляющее большинство близко общавшихся с императором ни о каком чрезмерном пьянстве как раз не упоминают, наоборот, крайне высоко оценивают его государственную деятельность (в их числе знаменитый русский химик Д. И. Менделеев). Был у Александра какой-то врожденный здравый смысл, позволявший ему успешно справляться с самыми серьезными делами.

Совсем другое дело – наследник, будущий Николай II...

Хотя сам Александр, как говорится, «университетов не кончал», он, несомненно, прекрасно понимал, насколько важно для самодержца всероссийского получить обширные знания в самых разных областях. Об этом свидетельствует программа «домашнего обучения», которую Александр самодично составил для наследника еще за десять лет до своей кончины. Современные «живые» языки, история, химия, математика, физика, топография, военное дело. Наследнику читали лекции по астрономии, общему и международному праву, политической экономии, экономической политике, финансам – как правило, университетские профессора,

среди которых были известные ученые.

Увы, как гласит русская пословица, не в коня корм. В одно ухо влетало, в другое вылетало. Об отношении наследника к учебе лучше всего свидетельствует его письмо к матери за два года до восшествия на престол: там он подробно описывает, как во время лекции по астрономии на него и его брата Георгия ни с того ни с сего напал безудержный приступ смеха. Такие вот веселые ребята...

Генерал Епанчин, близкий ко двору (и относившийся к Николаю с большим почтением), тем не менее (сохранились серьезные письменные источники) был прямо-таки поражен тем, что Николай абсолютно не разбирался даже в самых простых экономических терминах вроде «тарифной войны» – в чем не стеснялся признаваться открыто...

Тот же Епанчин вспоминал, что Александр именным указом предписал наследнику присутствовать на докладах министров императору – чтобы цесаревич понемногу набирался опыта в государственных делах. Однако Николай на доклады заглядывал от случая к случаю, а в последние три года царствования Александра III не приходил вовсе.

Всей этой скукоте наследник предпочитал общество гвардейских офицеров – уж там-то было гораздо веселее, там пили шампанское дюжинами и, деликатно говоря, живо общались с балеринами и прочими доступными красотками. Ну, а уж в компании гвардейских гусар было и вовсе, говоря современным языком, прикольно. Гуляки (и наследник в том

числе) допивались до того, что, раздевшись догола, на четвереньках выбегали во двор и выли на луну, изображая волков. Потом лакеи выносили лохань шампанского, из которой «волки» хлебали, все так же на четвереньках. Это не чья-то злопыхательская выдумка, а воспоминания одного из «волков», весьма знатной персоны...

Нельзя сказать, что, став императором, Николай управлял Россией плохо. Нельзя сказать, что он управлял страной хорошо. Он просто-напросто никак не управлял, так что министры и прочие высшие сановники ворочали всяк что хотели. Очень редко в государственные дела император все же вмешивался – но так, что не стоило бы вообще... Уникальный случай в истории европейских монархий: однажды по приказу некоего высшего чина (оставшегося истории неизвестным, но безусловно человека крайне умного) полиция конфисковала тираж книги «Полное собрание речей императора Николая II за 1894–1906 годы». По отдельности речи и резолюции на государственных бумагах еще кое-как смотрелись, но, собранные в один увесистый том, производили крайне невыгодное впечатление – полного тупоумия...

Прямо-таки убийственную характеристику императору дал известный генерал Драгомиров, в свое время обучавший его военному делу: «Сидеть на троне может, но стоять во главе Российской империи решительно не способен», и подобных высказываний, принадлежавших вхожим во дворец людям, слишком много, чтобы их здесь приводить.

Эта книга не о политике, но все вышесказанное необходимо было привести по очень простой и важной причине: показать, что взятки, казнокрадство и коррупция при таком самодержце непременно должны были распуститься еще более пышным цветом. Что и произошло... Наш старый знакомый, тот самый трехглавый дракон, при Александре III получивший немало подпалин на шкуре, в царствование Николая II абсолютно излечился, не на шутку повеселел и форменным образом блаженствовал.

О взятках и о том, как обстряпывались (иного слова не подберешь) в то время дела, нет нужды рассказывать долго и подробно. Достаточно одного-единственного примера, взятого из воспоминаний А. Н. Крылова. Выдающийся математик и механик, впоследствии советский академик, Герой Социалистического Труда и лауреат Сталинской премии, он до революции в немалом штатском чине занимался военным кораблестроением. И вот однажды ему срочно понадобилось провести за границей испытания корабельных приборов (что это за приборы, и почему их нужно было испытывать именно за границей, я рассказывать не буду, так как это, в общем, не имеет отношения к теме).

Главное, испытания нужно было провести срочно. А аппаратуры этой набралось примерно полтора десятка весьма объемистых ящиков. По тогдашним правилам, чтобы благополучно миновать с таким грузом иностранные таможи, Крылову следовало иметь заграничный паспорт, а каждый

ящик нужно было опечатать печатями Министерства иностранных дел, чтобы они стали своего рода дипломатическим багажом.

Время поджимало, и Крылов поехал в МИД. Не к самому министру, но в достаточно высокие кабинеты. Хозяева кабинетов были с ним вежливы и предупредительны, но все, как один, разводили руками: они прекрасно понимают государственную важность предстоящих испытаний, но заграничные паспорта выдаются исключительно «по Высочайшему соизволению», то есть с личного разрешения императора. Так что вопрос этот не в их компетенции, и господину Крылову следует обратиться в другой департамент...

В другом департаменте все повторялось. Крылова предельно вежливо футболили, пока круг не замкнулся: канцелярия МИДа направила в Первый департамент, оттуда – во Второй департамент, оттуда... в канцелярию МИДа. Ясно стало, что ничего здесь не добиться. Вот только Крылов был не оторванным от жизни ученым мужем, а инженером, жестким прагматиком. Прекрасно знавшим нравы Отечества. А потому и не подумал отступать – он просто-напросто решил зайти с другого конца. Как в анекдоте: огородами, огородами...

В романе Вячеслава Шишкова есть примечательная сцена. Главный герой, молодой золотопромышленник и предприниматель, хочет получить в собственность спорный золотой прииск. Решить этот вопрос можно только в Петербур-

ге, на высоком уровне. Прохор Громов собирается в поездку. Его пожилой друг и сокомпанеец, гораздо более умудренный в житейских делах, советует в высокие кабинеты и не ходить: – Швейцарец научит, либо лакей, к нему лезь...

Однако молодость сплошь и рядом своим умом крепка... По крайней мере, ей так кажется. В Петербурге Громов прямым ходом направляется к товарищу (заместителю) министра. Тот – сама любезность, но зайти советует через недельку: столько дел, столько дел, бесконечные хлопоты...

Через неделю все повторяется: зайдите через недельку. Вы знаете, эти бесконечные совещания, заседания, вороха бумаг...

Тут только Громов вспоминает совет старшего товарища. Сует осанистому швейцару четвертную. Тот немедленно дает полезный совет: действовать следует «чрез женскую, извините, часть». Выясняется, что их превосходительство «аккредитованы» у некой графини Замойской, вот, ваше степенство, и адресок...

Отправившись по нужному адресу, наш коммерсант, кроме очаровательной графини, обнаруживает и «их превосходительство». Сановник, правда, спешит куда-то по делам и вновь просит зайти через недельку. Но далее...

«...и от дверей, натягивая левую перчатку, крикнул:

– Кузина! Ради бога... Предложи господину золотопромышленнику подписной лист. Ну сто, ну двести, сколько может... В пользу сирот отставных штаб- и обер-офицеров...

– Ваше превосходительство! – полез Прохор в карман. – Я рад буду подписать не сто, не двести... И в пользу кого угодно. Вот на пятнадцать тысяч чек. – И он положил синенькую бумажку на кремовый бархат круглого стола».

Старичок трясет его руку, горячо благодарит «от лица облагодетельствованных офицерских сирот» и предлагает заглянуть в министерство завтра. На завтра вопрос решается едва ли не в минуты, прииск официальным образом переходит к нашему герою...

В то время роман еще не был написан – но механизм давно работал вовсю. А потому Крылов быстренько отловил тут же, в коридоре, обычного курьера с красным от пьянства носом, сунул ему пятерку и изложил свою проблему. Курьер, нисколько не раздумывая, отвел Крылова к некоему Ивану Петровичу, простому делопроизводителю (по армейским меркам, даже не прапорщику, а унтеру).

Этот мелкий чиновничек и решил дело. Договорились моментально. Цена вопроса составила, вы будете смеяться, пятнадцать рублей. Едва ли не через минуту Крылову был выписан самый натуральный заграничный паспорт (как-то Иван Петрович обошелся и без «Высочайшего соизволения», проказник этакий), и на завод, где стояли ящики, тут же помчался курьер, вмиг их опечатавший нужными печатями (тоже натуральными, разумеется). Вот такие порядки царили в тогдашнем МИДе – самый что ни на есть мелкий чиновничек за смешные деньги решал вопросы, официально требовав-

шие личного дозволения императора...

Вот пример – ничуть не уникальный, можно сказать, рядовой.

В 1908 году на Забайкальскую железную дорогу приехала ревизия инженера Горчакова – до столиц дошли слухи о тамошнем казнокрадстве, а у Горчакова была репутация человека честного, с которым не договоришься «по-человечески». Поднялся переполох, стали уничтожать документы. Люди поумнее поняли, что уличающие их бумаги жгут, но тут то ли времени не было, то ли возможности. Грудю документов выкинули в Ангару – надо полагать, не по течению плыть пустили, а утопили в каком-нибудь мешке с камнями. Но русские инженеры, как уже говорилось, – люди прагматичные. Горчаков выяснил точное место, и бумаги достали все до одной. Оказалось, что только в одной службе движения (а на железной дороге немало и других служб) разворовано 10 миллионов казенных денег.

Итоги? Горчаков собрался было взяться и за другие службы, справедливо полагая, что и там можно накопать немало интересного. Однако его (по представлению тамошнего генерал-губернатора) срочно отозвали в Петербург вместе с его комиссией. Нехватку основных сумм объяснили, надо признать, не без некоторого изящества, изобретательно и в соответствии с духом времени: «красная экспроприация». Тогда и в самом деле боевики самых разных партий (и маскировавшиеся под них уголовники) провели массу «экспроприа-

ции» – или, говоря не так возвышенно, вооруженных налетов: на банки, на государственные учреждения, где можно было взять неплохие деньги, на богатые магазины. Самые педантичные оставляли расписки: «Изято столько-то на нужды революции». Многие обходились и без них. Вот и на Забайкальской дороге объясняли нехватку многих миллионов именно этим: налетели какие-то, морды тряпками замотаны, в каждой лапе по маузеру, в зубах кинжалы, выгребли все до копеечки и растаяли в неизвестности... Согласитесь, изыщно.

Журналист писал об этом случае: «По-видимому, воровство имеет союзников везде, имеет сильную руку в таких местах, что громы отводятся в сторону и негодующие крики застывают на устах».

Журналиста звали Александр Аркадьевич Столыпин, и был он родным братом премьер-министра П. А. Столыпина – а газета «Новое время» считалась самой крупной и влиятельной в России. И что? Начальника Забайкальской дороги Свентицкого не оставили в Сибири в совершенно ином качестве, как следовало бы. Наоборот, перевели даже поближе к цивилизации – назначили начальником Пермской железной дороги. И вдобавок наградили орденом Владимира второй степени со звездой, между прочим, дававшим право на потомственное дворянство, – так что, если Свентицкий не был дворянином, он им стал...

Печально отличились на поприще казнокрадства органы

городского самоуправления – городские управы и городские думы. Только в Петербурге, только в одном 1911 году вскрыли злоупотребления на водопроводной станции, при поставках угля, в пяти городских больницах, при сдаче в аренду городских земель. Бывший петербургский градоначальник Клейгельс печатно, с большим возмущением все это обличал и писал: «Я глубоко уверен, что при ином составе городской Думы Петербург мог бы принять более благообразный вид». Черный юмор и пикантность ситуации в том, что Клейгельс восемь лет назад как раз и стал бывшим после того, как при постройке Троицкого моста цапнул несколько миллионов казенных денег и совершил еще массу злоупотреблений. Но отделался всего-навсего отстранением от должности. Годом спустя другая петербургская газета писала откровенно: «Всякая постройка, всякое сооружение, будь то больница или мост, трамвай или мусоросжигательная печь, неизбежно делались источником для прикармливания одного-двух, а подчас и целой компании присосавшихся к городу дельцов». Естественно, как неглупый читатель мгновенно догадается, весь пар уходил в свисток...

Московская городская Дума на одном из заседаний подняла вопрос о постройке в Москве метро. Дело было полезное и нужное, завязалась оживленная дискуссия, но моментально прекратилась после меланхоличной реплики одного из «гласных» (депутатов): все равно ничего не получится, потому что деньги моментально разворуют. После этого во-

прос о строительстве метро более никогда не поднимался.

Борьба со всем этим «негативом», конечно, велась. Судя по всему, совершенно искренне, а не формально действовал сенатор Нейдгарт, пытавшийся хватать за руку казнокрадов, где только возможно. Но результаты его работы, в общем, были мизерными – попадалась мелкая рыбешка, да и та частенько отделялась пустяками вроде штрафов – в таких суммах, которые им были вполне по карману...

По старой русской традиции, не отставала и полиция. Будем справедливы: не вся целиком, а, казенно выражаясь, ее худшие представители. Как мы увидим позже, немало было людей, служивших честно, грудью ходивших на бандитские ножи и револьверы, – и кому-то доставалась награда, а кому-то скромный надгробный памятник. Но, как говорится, в семье не без урода...

Как люди в погонах, привыкшие строго соблюдать субординацию, тогдашние «оборотни» старались не зарываться, соответственно погонам и брать. (Впрочем, то же правило испокон веков царило и у штатских чиновников: всяк сверчок знал свой шесток и старался не нарваться на расхожую поговорку: «Не по чину крадешь!»)

Рядовой жандармского дивизиона выполнял функции современного сотрудника ГИБДД: занимался размещением извозчиков на стоянках. С каждого, кому разрешал стоять возле Манежа (очень выгодное место, там всегда было много небедных клиентов), скромно брал по медному пятаку. А

впрочем, если брать каждый день и со многих, и на медных пяточках можно «подняться».

Чины, понятно, медью брезговали. Вот две колоритные фигуры: подполковник Шафров и пристав Никитин. Шафров полицейскую карьеру начал в Москве в качестве участкового пристава и по части всевозможных поборов и взяток приобрел столь печальную славу, что его непосредственный начальник именовал его «чемпионом по взяткам среди приставов» и всерьез пытался уволить. Однако сработали законы корпоративной этики – система своих не сдает. Шафрова определили полицмейстером Кронштадта, где он развернулся вовсю: обложил подчиненных ему приставов регулярной «данью», продавал за деньги открывавшиеся в кронштадтской полиции новые вакансии, «отначивал» из казенных сумм, отпускавшихся на служебные нужды: обмундирование, канцелярские принадлежности, ремонт служебных помещений и прочее. Да вдобавок наложил опять-таки регулярный «оброк» на содержательниц всевозможных притонов, коих в Кронштадте хватало. И за приличные деньги гасил случавшиеся там скандалы – вроде того, когда однажды офицеру в пьяной драке проломили голову бутылкой, и власти распорядились притон закрыть. Его хозяйка и не подумала горевать, прямоком направилась к Шафрову. Всего-то тысяча рублей – и притончик официально открыт вновь.

Примерно так же Никитин крышевал кофейни на Большом проспекте Петроградской стороны и тамошние деше-

вые гостиницы (многие из них были, по сути, полупритонами). Брал относительно скромно – от двадцати пяти рублей, не особенно и задирая эту планку. С кофеен – за то, что разрешал работать дольше установленного предписаниями времени, до часу ночи. С гостиниц – за то, что улаживал то и дело случавшиеся там скандалы.

Оба наших героя в конце концов все же угодили под суд. Интересная деталь: ни одна из содержательниц кронштадтских притонов не призналась, что платила полицмейстеру за «крышу», хотя признание ничем не грозило – дача взятки преступлением не считалась. Должно быть, Шафров отстроил такие теплые, дружеские отношения. Правда, других улик все же хватило, чтобы приговорить его к двум годам арестантско-исправительных работ.

Никитину свезло гораздо больше. Его, правда, приговорили к пятисотрублевому штрафу и увольнению со службы. Однако пристав – несомненно, изрядный нахал по жизни – трижды подавал апелляции в Сенат. Кончилось все тем, что штраф снизили до трехсот рублей, а на службе оставили в прежней должности. В чем еще и «заслуга» очередного красная-адвоката, патетически провозглашавшего, что Никитин «с самого начала революционного движения безропотно нес службу, подвергая свою жизнь опасности»...

Каждый, конечно, вправе давать свои оценки тем или иным историческим событиям, но я остаюсь в твердом убеждении, что введение в России в обращение золотой монеты

имело все признаки аферы. Постараюсь обстоятельно свою точку зрения обосновать.

Афера – это предприятие, в результате которого частные лица, учреждения, а то и государство несут финансовый ущерб. С таким определением, надеюсь, спорить никто не будет. Так вот, после введения в оборот золотой монеты нешуточные убытки понесло именно государство.

Рассмотрим подробно. «Золотое обращение» было проектом министра финансов С. Ю. Витте и введено именным указом Николая II. Золотая монета не просто служила средством платежа – все банки обменивали на золото бумажные ассигнации. На каждой так и было напечатано: обменивается на такое-то количество золота (понятно, согласно достоинству). Каких-либо ограничений по суммам не существовало: «бумажек» можно было принести хоть мешок, хоть два. Правда, на практике россияне этим пользовались не так уж и широко: не было практической необходимости. Золото – вещь тяжелая и изрядно оттягивает карман. А копить золотые монеты привычки не было: Российская империя казалась вечной и незыблемой. Один из сановников, болван этакий, как-то патетически возгласил: «Триста лет стоял дом Романовых и будет стоять еще тысячу!»

(Интересная подробность: царские ассигнации служили законным платежным средством еще несколько лет в Советской России и уже после окончательной победы красных. Большевики и эту ситуацию использовали со свойственным

им здоровым цинизмом: им в свое время достались и клише, и запасы бумаги, на которой печатались деньги. Ну, они и нашлапали изрядное количество ассигнаций, ничем не отличавшихся от «настоящих», и использовали в разных случаях для своих нужд.)

В общем, «физические лица» бумажные деньги на золото меняли редко – ну, скажем, крестный отец хотел подарить крестнику золотой червонец или дедушка – любимому внуку на день рождения. Ну, и некоторые виды расчетов велись исключительно в золоте: годовое обучение ребенка в гимназии стоило 64 рубля именно что золотом.

Убытки от системы золотого обращения, и немалые, приносила деятельность иностранного бизнеса в России. У нас порой, не вникнув толком в суть дела, любят писать, что Российская империя в начале XX столетия переживала грандиозный экономический подъем, ударными темпами развивались промышленность, банковское дело...

Как выражался герой одной классической комедии: «Оно все так, да только чуточки не так...»

«Были демоны, не отрицаю». Был нешуточный экономический подъем, и развитие промышленности было...

Одна малюсенькая, совсем крохотная деталь, явно не известная иным восторженным пишущим людям... Маленький такой нюансик. И подъем, и развитие происходили в первую очередь оттого, что экономика России была буквально подмята иностранным капиталом. Цифры – вещь скуч-

ная, но привести их просто необходимо...

На Донбассе 70 % добычи угля держали иностранные компании, в основном бельгийцы и французы. Иностранцы владели половиной нефтедобычи в России и подгребли три четверти торговли нефтепродуктами. 90 % добычи платины в России было в руках иностранных компаний – как и значительная часть золотодобычи. В 1912 году много шума наделал Ленский расстрел – солдаты и стражники залпами стреляли в совершенно мирное шествие рабочих золотых приисков к администрации. Рабочие всего-навсего хотели потребовать улучшения условий быта – условия существования и в самом деле были форменным образом скотскими. Их встретили пулями, и жертв было немало. Так вот, контрольный пакет акций тамошней золотодобывающей компании «Лена-Голдфилдс» принадлежал как раз англичанам. Вот британцы и поступили так, как привыкли поступать с туземцами в колониях.

(Маленькое отступление. Довелось мне как-то давно читать статью очередного борца с «мировым жидомасонством», где автор на все лады поносил «проклятого жида Голдфилдса», организовавшего расстрел русских рабочих. Ну, человек не знал английского. «Голдфилдс» – не еврейская фамилия, а попросту английское слово, в переводе означающее «золотые поля».)

Кстати, в руках «Лена-Голдфилдс» была примерно треть русской золотодобычи. Везде, куда ни глянь, – хозяевами

иностранцы. На юге России в их руках 67 % производства чугуна, 58 % механических, сталелитейных и трубопрокатных заводов. В России тогда было только две фабрики по производству резиновых изделий – и обе в заграничной собственности. Изрядная доля табачной промышленности – у тех же англичан. Изрядная доля медеплавильного производства – у англичан и французов. Изрядная доля производства сельскохозяйственных машин – у американцев. Та же ситуация и в банковском деле. Этот список можно продолжать и продолжать, но, полагаю, читателю достаточно и этого, чтобы понять ситуацию.

Голову даю на отсечение, немало наших нисколько не разбирающихся в реальной экономике либералов тут же возмущенно возопят: ну и что тут плохого? Это ведь инвестиции! Благо для экономики российской!

Увы, увы... Иностранцы инвестировали по капельке, ровно столько, сколько им было необходимо, чтобы соблюсти собственную выгоду. А всю прибыль они вывозили из России – предварительно обменяв бумажки на золото. Так что из России безвозвратно утекали тонны золота.

(Совершенно иначе вели себя только немцы, но наша книга не об экономике, да и в одной из прежних я уже подробно писал об этом.)

Неизмеримо меньшее, но все же значительное количество золота опять-таки безвозвратно уходило из России в карманах русских «богатеньких буратин», облюбовавших главным

образом Париж с его многочисленными и разнообразными развлечениями и игорные дома Монте-Карло.

Зато тогдашние либерасты (по уровню интеллекта, точнее, полного отсутствия такового), ничуть не уступавшие нынешним, ликовали: Россия вошла в семью цивилизованных европейских народов! Теперь и у нас, как у больших, есть золотые монеты! Одним словом, все, как в доброй старой Англии, как в известном романе Конан Дойла:

«— Как желаете получить? — спросил банковский клерк.

Майор ответил:

— Сотню дайте золотом, остальное банкнотами».

Ну прямо как в Англии, господа, радость-то какая!

Эта публика совершенно не задумывалась, что «цивилизованные народы» как раз и старались, чтобы как можно меньше золота уходило из их стран — а вот в России умиленно взирали, как безвозвратно уходят за рубеж, повторяю, тонны золота.

Вот потому-то я считаю введение «золотого обращения» в России разновидностью финансовой аферы, и никто меня в обратном не переубедит. Говоря языком Интернета, ИМХО...

В начале века очередная, уже несомненная афера с участием самых высокопоставленных лиц, в том числе и самого императора, втравила Россию в Русско-японскую войну, закончившуюся для нас, как известно, самым позорным обра-

зом. Да вдобавок ее печальные для России итоги стали еще, как будто мало было всего остального, одной из главных причин революционного взрыва 1905–1907 годов...

Дело в следующем. Жил-был на свете отставной ротмистр с символической фамилией Безобразов. Вообще-то ротмистр – невелика птаха, кавалерийский офицерский чин, соответствующий пехотному капитану. Но это смотря какой ротмистр...

Безобразов служил в кавалергардах, потом отчего-то оказался не просто в отставке – на гражданской службе в Сибири. Точных сведений нет, но, зная нравы того времени, не остается никаких сомнений: произошло что-то крайне грязное. Гвардейская спесь того времени прекрасно известна (к тому же кавалергарды – элита гвардии). По доброй воле кавалергард и в армию не перешел бы, не говоря уж о гражданской службе аж в Сибири (Иркутск в те времена был городишком с населением менее 50 тысяч человек, пусть и имевшим нешуточные культурные традиции). Чем-то серьезным Безобразов должен был себя заляпать.

Через несколько лет (когда, очевидно, случившееся, что бы там ни было, помаленьку забылось) Безобразов вернулся в Петербург. И не просто был принят при дворе – входил в «ближний круг» императора, который бывшему ротмистру крайне доверял, считая человеком честным и правдивым. Причины такого отношения Николай объяснял прямо-таки с детским простодушием: Безобразов-де «не занимает ника-

кого официального положения, а потому и не имеет причин лгать...»

Чертовски убедительный мотив! Циник я, циник. И поневоле вспоминается ходившая по рукам незадолго до революции карикатура: стоит Николай, совершенно голый, но в короне, обеими руками держит свой, пардон, фаллос. И подпись: «Самодержец». В точку...

И вот однажды Безобразов пришел к императору с крайне завлекательным проектом: развернуть крупные лесозаготовки на реке Ялу, протекавшей вдоль границ Северной Кореи. Построить там мебельные фабрики, делать хорошую мебель и продавать ее за границу, благо везти недалеко: порт Владивосток – вот он, рядом. Себестоимость ожидается небольшая, а прибыль – нешуточная. Да и древесина сама по себе не так уж и мало стоит (лиственница и кедр).

Прежде чем рассказывать о безобразовской афере, просто необходимо кратко обрисовать сложившуюся в том регионе ситуацию – без этого многое будет непонятно.

В конце XIX – начале XX столетия и Россия, и Япония решили основательно прирасти землицей. Благо возможности к тому имелись неплохие. Корея когда-то была не такой уж слабой, в середине XIX века ее войска даже разбили американский экспедиционный корпус, но потом и страна, и армия изрядно ослабли. Что до Китая, он в те годы являл собой нечто вовсе уж опереточное: имперская династия досиживала на троне последние годы, выражение «китайская армия»

скорее походило на один из самых коротких анекдотов.

Ну как тут удержишься? Ни Петербург, ни Токио удержаться и не пытались, наоборот. В обеих странах военные горнисты сыграли боевую тревогу, и войска браво пришли в движение...

Это сегодня, когда сильная держава по древнему «праву сильного» куда-нибудь вторгается (Югославия, Ливия, Ирак), приличия ради все сопровождается невероятной шумихой с провозглашением самых благородных лозунгов типа «борьбы за демократию», «свержения тиранов» и тому подобного. Сто двадцать лет назад никто подобной «дымовой завесой» и не думал заморачиваться. Все происходило проще и циничней: если сосед был слаб, у него оттяпывали немало земли, а то и захватывали целиком.

Короче говоря, японцы высадились на континенте, быстро разбили вдребезги корейскую армию и заняли всю Корею. Практически в то же время русская армия столь же непринужденно заняла Маньчжурию. Без единого выстрела: китайских войск там не имелось, да и будь они в Маньчжурии, получилась бы драка волкодава с котенком. А сами маньчжуры устраивать партизанскую войну вовсе не собирались: китайцев они (как и до сих пор втихомолку) крепенько недолюбливали (для тех, кто не в курсе: маньчжуры и китайцы — это, собственно, два разных народа). Не останавливаясь на достигнутом, русские, уже за деньги, арендовали у китайцев Ляояньский полуостров, где построили военно-морскую ба-

зу Порт-Артур.

(Вспоминая известный анекдот про Ленина, бритву и мальчика, так и тянет воскликнуть: благородно все же поступили наши ребята! Заплатили деньги, хотя могли и так отобрать без особых хлопот...)

Ситуация сложилась интересная. Маньчжурия расположена довольно близко от Кореи, в то время их разделяла не такая уж широкая полоса китайской территории – и кто бы тогда стал в случае чего церемониться с китайцами? Ну а Корея граничила с Россией. Поэтому Россия и Япония какое-то время неприкрыто нервничали, всяк подозревал другую сторону в том, что она снова не остановится на достигнутом, а посягнет на приобретения другой. Какое-то время царила неприкрытая напряженность, но потом дело уладили: Петербург и Токио, не заключая никаких письменных соглашений, негласно заключили этакое джентльменское соглашение: Маньчжурия – сфера влияния России, Корея – сфера влияния Японии, и обе стороны обязуются на чужие сферы влияния никоим образом не посягать. Напряженность ослабла, правда, это еще не значило, что она и взаимное недоверие исчезли полностью...

Вот тут-то и объявился Безобразов со своим проектом. Николай его утвердил практически мгновенно. Дальнейшие события разворачивались согласно старому польскому анекдоту: «Компания была небольшая, но очень порядочная: пан директор, пан аптекарь, золотарь, две курвы и я...» Чуть ли

не моментально сколотилась теплая компания: бывший сослуживец Безобразова полковник Вонлярлярский, финансовый делец Абаза (тот еще жучара), князя Юсупов и Щербатов, богатые помещики Болашов и Родзянко – и, главное, граф Воронцов-Дашков, министр двора и уделов (то есть человек, управлявший личными доходами императора, как деньгами, так и «кабинетными землями», служившими чем-то вроде личных имений императорской фамилии). Для солидности во главе предприятия официально поставили мужа сестры царя, великого князя Александра Михайловича. Концессионеры получили немалые деньги из Кабинета Его Величества – и еще больше из государственной казны.

И началось... Хитрушка в том, что заранее предполагалась не просто мирная рубка леса на своей стороне, а ползучее проникновение в Корею с ее нешуточными природными богатствами. Что очень быстро стало претворяться в жизнь: лесорубы Безобразова и К^о, насвистывая тогдашние подобию более позднего шлягера «Эге-гей! Привыкли руки к топорам!», стали в немалом количестве переходить уже на корейскую территорию. Чтобы их там никто не дай бог не обидел, меры были предусмотрены серьезные: сначала для охраны лесорубов наняли триста вооруженных китайцев, явно разбойников-хунхузов (в те времена никто, кроме хунхузов, с оружием по Китаю не болтался), а потом, чтобы уж не мелочиться, послали за Ялу полторы тысячи якобы «уволенных в запас» солдат из сибирских стрелковых полков. Все они

ради приличия были переодеты в форму лесных сторожей – но винтовочка имелаась у каждого. И число этих «сторожей» планировалось довести до 15 тысяч. Вся эта братия, повторяю, действовала уже в японской сфере влияния.

Японцы возмутились, как любой бы на их месте: налицо было самое бесцеремонное нарушение тех самых негласных соглашений. Дело могло принять вовсе уж скверный оборот. Поэтому против этакой «предпринимательской деятельности» безобразовцев открыто выступили министр финансов Витте и министр иностранных дел граф Ламздорф. После чего Витте очень быстро оказался в отставке. Граф свой пост сохранил – но получил от Николая такой разнос, что зарекся в дальнейшем открывать рот и решил забыть само слово «Корея»...

В Петербург стали поступать японские ноты протеста. В Петербурге ими разве что не подтирались. Видя такое дело, великий князь Александр Михайлович (казнокрад еще тот, но человек весьма умный – эти качества сплошь и рядом в людях сочетаются) быстро понял, чем все может кончиться. И ушел с поста руководителя концессии. Истины ради нужно добавить, что тут была еще и «финансовая составляющая»: Безобразов с компанией заплатили царскому шуруину гораздо меньше, чем обещали.

Князь отправился к царственному родичу и попытался уговорить его отозвать безобразовцев из Кореи, пока не кончилось войной. Тот категорически отказался. На сей раз дело

было не в недалекости Николая или упрямстве, а в его точном расчете. Царь действовал, как пишут в судебных приговорах, «с заранее обдуманном намерением».

Что это были за намерения, написал в своем дневнике военный министр Куропаткин: Николай «лелеет грандиозные в голове планы», хочет «взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает взять под свою державу Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы».

Маньчжурия была взята (к слову, через несколько лет и Персию русские войска практически оккупировали – по-братски, более-менее пополам поделив с англичанами). Так что Николай старательно выполнял свою программу.

Войны с Японией никто в Петербурге не боялся, наоборот, ее хотели, полагая, что закидают «макак» шапками. Сам Николай выражался о японской армии так: «Все же это не настоящее войско, и если бы нам пришлось иметь с ними дело, то от них лишь мокро останется».

Увы, японское войско было как раз настоящим... Все хорошо помнили, что неполных сорок лет назад Япония жила, по сути, в форменном Средневековье, в тамошних междоусобицах воевали копьями и мечами, луками и стрелами. Но проглядели (и в первую очередь работавшая просто омерзительно русская разведка), что за эти самые неполные сорок лет Япония буквально выломилась из Средневековья и прямо-таки семимильными шагами рванула вперед. Ее армию,

вооруженную уже не луками и стрелами, а самым современным оружием, неплохо вышколили германские военные инструкторы. Англичане, не особенно и скрывавшие, что хотели бы ослабить русское влияние на Дальнем Востоке, на своих верфях строили для Японии броненосцы, во многом (в том числе и в вооружении) превосходившие русские (к слову, крейсер «Аврора» – тоже английской постройки). В общем, России теперь противостояли не «макаки», а сильный, хорошо вооруженный современным оружием и обладавший нешуточным боевым духом противник – чего в России словно бы и не замечали.

И началась война, закончившаяся для России самым позорным образом. Никак нельзя сказать, что безобразовская афера была ее единственной причиной – но, несомненно, послужила «спусковым крючком».

Лесозаготовки как-то сами собой заглохли. Ни одной мебельной фабрики даже и не начинали строить. Но огромные деньги, выделенные концессионерам из казны и личных царских средств, так у них в карманах и остались. Да вдобавок Безобразов еще до войны получил немаленький чин статс-секретаря.

Но не будем больше о войне с ее ужасами. Поговорим о далеких от войны вещах – об изящных искусствах, например. Конкретнее – о балете. В Большой Истории случаются порой самые причудливые переплетения бесконечно далеких друг от друга, казалось бы, тем. Именно так переплелись россий-

ский балет и российская коррупция... Балет в данной связке представляла, уточняя, одна-единственная балерина, но какая...

Давайте по порядку. Так уж исторически сложилось, что петербургский Императорский балет был форменным гаремом для тех членов Дома Романовых, кто высокой моралью не отличался. Даже звезда номер один русского балета с мировым именем Анна Павлова состояла еще и любовницей Великого князя Бориса Владимировича – что уж говорить о менее знаменитых и получавших гораздо меньшее жалованье? Иные романы затягивались надолго, так что возникали сущие «вторые семьи», порой с четырьмя-пятью побочными великокняжескими детьми.

В общем, весной 1890 года на торжественном обеде в честь очередной премьеры Александр III познакомил наследника с восемнадцатилетней балериной Матильдой Кшесинской. Есть у меня подозрения, что император (сам, кстати, образцовый семьянин и верный муж) действовал по тому же принципу, по какому в богатых семьях, где подрастал сыночек, у которого уже начинали пробиваться усы, нанимали смазливых сговорчивых горничных: чтобы чадушко по борделям не шлялось и какую-нибудь дурную болезнь не подцепило...

Как бы там ни было, меж наследником и юной балериной начался пылкий роман. По какому-то совпадению Матильда вскоре стала получать в Мариинском театре, где слу-

жила, главные роли. Впрочем, справедливости ради непременно нужно отметить, что она была вовсе не бездарью, а талантливой танцовщицей, вполне заслуженно ставшей впоследствии одной из звезд русского балета. Ее хвалили, когда она только начинала, сам П. И. Чайковский.

Вот только балетные таланты у этой особы сочетались с полным отсутствием морали и прямо-таки хищной деловой хваткой.

Где тут коррупция?

А вот... Роман Кшесинской с Николаем продолжался четыре года – до его женитьбы. В одном Николаю следует отдать должное: как и его отец, немало покуролесив до свадьбы, Николай жене не изменял ни единого раза. Чисто по-человечески внушает уважение.

Однако есть и другие аспекты... В 1895 году Матильда купила за городом, в Стрельне, настоящий двухэтажный дворец, сделала там капитальный ремонт, даже поставила собственную мини-электростанцию, о чем не без гордости говорила: «Многие мне завидовали, так как даже в императорском дворце не было электричества».

Откуда дровишки? Собственного состояния у Матильды не было (ее отец и мать всю жизнь танцевали в балете на вторых ролях). Ее жалованье в тот год составляло 5 тысяч рублей (и даже на пике карьеры – только восемь). Меж тем расходы на Стрельну составили многие десятки тысяч рублей. Объяснение тут может быть одно-единственное, друго-

го просто нет: деньги, несомненно, пришли от Николая, причем наверняка казенные (в свое время Александр III урезал годовое содержание великих князей до относительно скромных сумм – 200 тысяч рублей. По меркам высшего света и его тратам – семечки...).

Оставленная Николаем, Матильда пустила в ход поминавшуюся деловую хватку. Дворец в Стрельне, если называть вещи своими именами, превратился в бордель, можно так сказать, шестизвездочный. Воспоминания балерины, современницы событий: «О ее доме в Стрельне ходили легенды. Сколько юных танцовщиц, начинающих дебютанток прошли через этот дворец! Балерин собирали в огромном зале. Гасли свечи, в темноте открывались двери, и толпа молодых великих князей радостными жеребцами врывалась в комнату – это называлось „Похищение сабинянок“. „Живые картины“ продолжались до утра в бесконечных комнатах, где уединялись похитители и похищенные».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.